

зренчески не безупречна. Налицо вынужденная вивисекция единой плоти особого ментального пространства, которое априорно целостно и монолитно. *Философия – это (по определению) гносеологическая претензия мыслить всё (и всякое!) Сущее (онтологически) Всеобщее, (аксиологически) императивно, (антропологически) участливо и (социально-исторически) прогностично.*

В этом пропедевтическом предисловии, социальная философия оказывается одним из ракурсов расслоения Единого. Споры об онтологической природе социальных феноменов вращаются вокруг вопроса о том, *можно ли категориальный конструкт по имени «общество» считать отображением чего-то «подлинно Сущего»?* Или же мы имеем дело с лингвистической виртуальностью, использование которой условно ориентирует нас в своеобразной «языковой игре» и позволяет пометать человеческую ойкумену бытия индикативами схоластического «реализма»?

В своей теории «идеальных типов» Макс Вебер справедливо эйдетизировал формации социального, приписав им неизбежную *интеллектуальную онтологичность человеческого взора*, взыскующего бытийных оснований собственного существования в *модусах «(исторически) возможного и (практически) Должного»*. Хабермас сместил веберовские акценты в плоскость коммуникативных герменевтик, транспонирующих тезис о человеке, как (системной) совокупности «всех общественных отношений» (Маркс), в лоно размышлений о механизмах достижения «социального консенсуса» в синергетическом океане человеческих своеобразий. Фуко подверг неприязной критике социальные практики «репрессивного сознания», озабоченного поиском средств и институтов оптимизации человеческих отношений в русле правоготетских сублимаций. Особую версию социософских размышлений развивают в своих мировоззренческих реконструкциях мыслители психоаналитической и софийной экзистологии (Фрейд, Юнг, Бубер, Бахтин, Франк), которые обращаются к проблеме человеческой Самости в её индивидуальном, корпоративном и диалогическом преломлениях. Социальное осмысливается здесь через «(общее)человеческое», трактуемое в качестве «системы отсчёта» и фокуса восприятия, задающего принципы сравнения и селекции автохтонных социумов с точки зрения их «самобытной человечности» и технологий её бытования в мире «универсальных проекций». К последним относятся «Я-Ты(Мы)» отношения гилзоистической благорасположенности (эроса близости) к иным экзистенциальным субъектам (и объектам), готовность допускать к со-бытию их личностную уникальность и вселенские правомочия. С другой стороны, это танатостные обструкции «Я-ОНО» отношений бездушной объективации «Другого», локализация восприятия на прагматике вождельческих соблазнов властного «удовольствия» от обладания чужим существованием [1].

Как нам представляется, социальная философия, в отличие от всех остальных гуманитарных направлений мысли, оригинальна тем, что саму «человеческую социальность» и её многоликые «произведения-производные» рассматривает не столько в экспозиции их «места и функций» в нелинейной динамике исторических трансформаций, сколько через призму присутствующих любым формам человеческого общежития (и коррелятивных им «умонастроений») способов практической верификации границ собственной бытийно-смысловой актуальности.

Речь идёт о нашей (разнообразно) мировоззренчески ангажированной и практически аранжированной аксиологической избирательности в отношении «инаковости» всех тех Других, чья сущность и существование рассматриваются в качестве «морально факультативных» применительно к императивам этической ответственности. Мифологическая оппозиция «Свои – Чужие», вкупе с идеологическими оруэллизмами «Мы – Они», трансформирует наши ценностные предпочтения таким образом, что всё «ино-родное» зачисляется в реестр «не самоценного» и размывает принципы человечности. Появляются исключения из правил, казусы и оговорки, алиби «наименьшего зла». *Общечеловеческое жертвует себя корпоративно-групповому эгоцентризму.* Крестовые походы, джихады, юридическое или (гео)политическое двуличие, конфликты научных школ, группировки эстетствующих снобов, сектантский

УДК 1 + 008

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОНТОЛОГИИ

Костенич Владимир Анатольевич

доцент кафедры философии учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова»; кандидат философских наук, доцент

В статье обсуждается мировоззренческая деконструкция места и смысла «социальной философии» в дидактических схематизациях структурирования Сущего. Концептуализируется парадигма «маркера Идентичности», изымающая размышления о «социальности» из онтологических политэкономий «общественного бытия» и смещающая акцент к аксиологиям «культурно-исторической Самости».

Традиционная диверсификация философского (со)знания на целый ряд интеллектуальных интенций (онтология, гносеология, аксиология, философская антропология и социальная философия) сама по себе «вузовски» объяснима, но мировоз-

или конфессиональный ортодоксальный эзотеризм, гендерные ловушки, раскольничковские «старушки-процентщицы», экологическое хамство – таковы навскидку некоторые «физиономии лукавой нравственной бухгалтерии».

В этой связи, этический постулат «благоговения перед жизнью» Швейцера [2], гласящий «Я есть жизнь, которая хочет жить, среди Жизни, которая тоже хочет жить», прекрасен и относителен одновременно, ибо ограничен «запятой» на фактуре (другой) Жизни и «недоговаривает» свой (потенциально вселенский) пафос до онтологического предела, чурается «природного естества». Вместе с тем, в нём прозрачно обозначена тема «Самости», определяющей свою «самобытность» через парадоксальное идентифицирующее единение себя с Другими версиями (животворящего) Сущего. В то время, как тот же Раскольничков, в своём нищенском вопле: «Кто Я: тварь дрожащая или право имею?», фиксирует собственную самостоятельность в мизантропии сумерек «архетипа Тени», где «забвение Другого» оказывается возможностью идентификации собственной «социальной (не)мощи».

Социальная философия и призвана, на наш взгляд, эксплицировать в конгломератах человеческих сообществ, очень разных по своему социальному масштабу, лейтмотивные для них проекции «ментальных и праксиологических идентификаций», свидетельствующие о расширенно воспроизводимых вариантах «социализации человеческого» и параллельной им культурно-исторической селекции латентностей «общечеловечности». В этой же системе философских координат, постмодернистское *différence* выглядит асоциально в своем стремлении упразднить любую общность (бытия и/ли смысла), под предлогом «покушения на индивидуальность» чего-либо, и не замечая того, что сама эта бытийная суверенность (де факто) всегда предполагает креатуру контактов с сосуществующим (вокруг) и столь же сакра(льн)ментальным Иным.

*Пространство социальной философии во многом тематически конгруэнтно тому, что Гегель обозначил словоформой «объективный дух», под «ником» которого он рассматривает культурно-историческое становление «идеи Свободы», осознающей себя в силовом поле регулятивов права, нравственности, государства и торящей свой путь сквозь драматические перипетии таких «социальных Самостей» как «выдающиеся Личности» и «избранные Народы». Одновременно проступает особая «социальная Персона», именуемая «Человечество(м)», фиксирующая трансисторический горизонт опознания социальности как таковой и объемлющей собой все иные проекции «коллективных (человеко/у)местных» идентичностей». Фактически, немецкий диалектик артикулирует (ключевые) *системообразующие концепты социальности*, составляющие смысловой словарь социальной философии в её онтологическом преломлении и ценностной перспективе [3, с. 326–410].*

Марксистские же идеи «коммунистической постИстории» и гуманистической справедливости «бесклассового социума», изжившего политэкономические и духовные отчуждения товарно-потребительского фетишизма, философски расшифровывают глобальные траектории (революционной) эволюции человечества в направлении оптимального «единства разнородного», когда свободное развитие (повсеместно и вселенски ответственных) «человечно ориентированных» социальных общностей будет безусловным условием (тотального) торжества антропоидеи *homo sapiens*.

Социальную философию (дабы не растекаться мыслью по «древу иных гуманитарных частностей»), скорее всего, должно интересовать не «общество как таковое», а «культурно-исторические (со)общности» и *конгенитальные последним инвариантные принципы (онто-идейной) консолидации и поведенческой солидарности, задающие ценностные ригоризмы сущностной аутентичности, перед испытующим лицом (или Лицом) обступающего «Другого»*. Более того, сам этот «Другой» не может быть приписан исключительно к разряду «родственников по человеческой сродственности», в бытийных осцилляциях с которыми (любые) социальные общности фундируют личную автономность. Уникальность человеческого присутствия в Мире как раз и заключается в том, что человек, исторически и *сообща* со своими фрактальными сородичами

репрезентирует бытие в целом. Он всегда трансграничен в своих усилиях осваивать наличное бытие, «очеловечивая» его природные или взвездные уста.

Тем самым, все «корпоративно урезанные» глобалистские проекты футурологии социальности, (менторски) оговаривающие своё лидирующее положение и ведущую (цивилизаторскую) миссию в процессе общечеловеческой истории, демонстрируют собственный (идентификационный) нарциссизм и должны подвергаться въедливой социально-философской проблематизации. Лишь идентификация по принципу «*Все достижения (моей собственной) само(сть)бытности реакционны, если рушится общечеловеческая и мир-вселенская солидарность участливой ответственности за всё Сущее*», становится подлинным мировоззренческим кредо назревающей социальности.

Список использованной литературы

1. Современная западная философия : учеб. пособие / Т. Г. Румянцева, А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, М. А. Можейко [и др.] ; под общ. ред. Т. Г. Румянцевой. – Минск : Выш. шк., 2000. – 493 с.
2. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью; пер. с нем. / А. Швейцер ; сост. и посл. А. А. Гусейнова ; общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
3. Гегель, Г-В. Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 3. Философия духа / Г-В. Ф. Гегель ; отв. ред. Е. П. Ситковский ; редкол.: Б. М. Кедров [и др.]. – М. : Мысль, 1977. – 471 с.